

ДЕТИ И ПОДРОСТКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ КАРЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В статье на материалах Карелии конца XIX – начала XX вв. дана общая характеристика роли детей в экономической сфере крестьянской семьи, очерчен круг трудовых обязанностей ребенка в зависимости от его пола и возраста. На основе разнообразных источников раскрыты причины широкого распространения детской трудовой миграции. Показано значение отходничества и школы в изменении процесса социализации крестьянских детей.

Ключевые слова: история детства, Карелия, крестьянская семья, социализация детей.

В последние годы отечественная историография пополнилась рядом исследований, выполненных в русле нового междисциплинарного направления, получившего название «история детства» [1–3]. Вместе с тем создание компаративных исследований и обобщающих трудов по этой обширной теме затруднено в связи с острым дефицитом «региональных картин» детства. Малоизученными остаются исторически изменчивые и этнически своеобразные представления взрослых о детях, их внутрисемейном статусе и ролях.

Задача этой статьи – на основе разнообразных источников очертить круг трудовых обязанностей детей в зависимости от их пола и возраста в семье карельского крестьянина на рубеже XIX – начала XX вв., когда традиционная система предписаний и запретов все более корректировалась в связи с развитием отходничества (крестьянской трудовой миграции) и школьного образования.

В православной крестьянской семье целью воспитания было развитие страха Божьего, покорности родителям, церкви и властям. Однако на первом месте стояло обучение трудовым навыкам [4, с. 238]. У каждого члена семьи имелись свои обязанности, направленные на достижение общей цели – выживания, поддержания и роста семейного благосостояния. Задача вырастить сына, вывести его «в люди» была не лишена родительского эгоизма, связывалась с надеждой отцов и матерей обеспечить свою старость. Эта мысль отчетливо сформулирована в карельской пословице: «Чью люльку качаешь, того и корочку жуешь».

Детей с самого раннего возраста приучали к труду, первоначально в пассивной форме, в том числе и к внедомашним видам трудовой деятельности. Трехлетних детей уже брали на рыбную ловлю на ближайшие водоемы, для безопасности привязывая в лодке веревкой. С 5–6 лет дети постигали умение

* © Илюха О.П., 2009

Илюха Ольга Павловна – заместитель директора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

ориентироваться в лесу, правильно себя в нем вести. С 7–8-летнего возраста детям поручалось самостоятельное выполнение некоторых видов работ. Для них изготавливали собственные инструменты маленьких размеров: цепи, грабли, косы [5, с. 133]. Освоение «взрослых занятий» шло также через игру. Во дворе старшие подростки или взрослые строили детские домики для игр, где хозяйничали обычно девочки. Здесь в упрощенном виде воспроизводилась обстановка крестьянского жилища, девочки качали куклу-ребенка, имитировали другие женские занятия: наводили порядок, стряпали, мальчики плели игрушечные сети, «ловили рыбу», строили «дома» и «амбары» из лучины и щепок [6, с. 333–334].

Поздней весной или летом дети участвовали в работах по выжиганию лесов под посевы, летом – в полевых работах, осенью – в ручной молотье зерна в риге. Осенью и зимой мальчики плели из конского волоса силки для ловли птиц, вязали рыболовные сети. Зимой и весной детям поручали молоть зерно, они почти ежедневно крутили ручные жернова, которые имелись в каждом доме. Таким образом, детям находились занятия на протяжении всего годового трудового цикла.

Хотя целый ряд трудовых обязанностей мальчиков и девочек совпадал, существовала выраженная дифференциация в трудовом воспитании. На девочек в крестьянских семьях с ранних лет ложилась забота о маленьких братьях и сестрах, при этом они не освобождались от другой работы по дому. В 7-летнем возрасте карельская девочка умела доить корову, теребить шерсть, помогала матери или бабушке в ткачестве, перематывая нитки и делая всю мелкую вспомогательную работу. С этого же возраста девочки начинали прясть на специальной детской прялке, учились владеть иглой и спицами, а также помогали матери стряпать. Мальчики к 7–8 годам обычно уже могли вязать невод, им позволяли косить маленькой косой, грести сено, поручали пасти скот, вязать веники. Весной по насту мальчики 9–10 лет и старше привозили дрова из лесу, кололи их, приносили в дом.

Постепенно дети приобщались к промысловым работам, характер которых определялся местными географическими особенностями и традициями. Особые «детские промыслы» незамысловаты, они не требовали специальной подготовки: зарабатывали, принося случайным прохожим родниковую воду или обеспечивая переправу на лодках через реку. Труд ребенка 7–8 лет уже мог использоваться не только в своей семье, но и за ее пределами: девочки работали няньками у богатых односельчан или в соседней деревне, мальчики нанимались подпасками. За эту работу дети редко получали деньги, в качестве оплаты их кормили, а иногда давали что-либо из одежды. При одинаковой со взрослыми нагрузке и выработке труд детей оплачивался многократно ниже.

В 10-летнем возрасте начиналось освоение сложных видов «взрослых» занятий, в частности, мальчики учились шить сапоги, девочки ткать. С этого возраста дети, в большей степени мальчики, привлекались к отходничеству – уходили на заработки из родного села. В ближний отход, в пределах своей волости на работу по найму няньками, пастухами, вязальщиками сетей дети отправлялись самостоятельно, без сопровождения взрослых. Более отдаленные перемещения детей (в пределах уезда или губернии) связаны с работой

на лесозаготовках, рыбном промысле, на промышленных предприятиях уездных центров и Петрозаводска, со сбором милостыни.

География детского внекраевого отхода была той же, что и у взрослых. Мальчики 10–15 лет вместе с девушками и женщинами составляли в начале XX в. около 20 % от числа тех, кто уходил из Северной (Беломорской) Карелии на заработки в Финляндию, куда отцы и братья брали их «для приучения к разносной торговле, а иные для того, чтобы просто не есть дома зиму хлеб, а прокормиться на стороне работой или попрошайничеством» [7, с. 561–562]. В 13–14 лет подростки уже широко участвовали в отхожих промыслах.

Если из Беломорской Карелии дети отправлялись на заработки, как правило, совместно с отцами или старшими братьями, то в Олонецкой губернии детское отходничество приобрело своеобразные организационные формы, вступавшие в явное противоречие с законом, и имело другой географический вектор. Центром притяжения детской миграции был Петербург, где в большом объеме требовалась неквалифицированная рабочая сила. Дешевый детский труд был основой конкурентоспособности мелких предприятий столицы: лавочек, трактиров, разного рода мастерских. На рубеже XIX–XX вв. до 10 % мигрантов, приезжавших в Петербург, были не старше 16 лет [4, с. 341].

Даже во второй половине XX в. от старожилов все еще можно было услышать предания о том, что карельские купцы поставляли для Петербурга из Олонецкой губернии помимо дров, сена, дичи и прочего «живой товар». Беспросветная бедность и заверения торговцев, что в городе ребенок будет определен «на хорошее место», пример известных в округе земляков, вышедших таким путем из бедняков «в люди», «в купцы», — все это вселяло в души отцов и матерей надежду на лучшую участь их детей. Семья, отправившая подростка на заработки, на некоторое время избавлялась от лишнего рта, надеясь в будущем получать от «бурлака» (так крестьяне называли проживающих и зарабатывающих «на стороне») денежную помощь. Отправка детей в город, сопровождавшаяся актом купли-продажи, не носила выраженной этнической окрашенности: явление было распространено как в карельских, так и в русских волостях края.

По архивным источникам и устной традиции достаточно четко определяется возраст — 10 лет, когда ребенок считался «готовым» к отправке в город. Но, по возможности, родители предпочитали отсрочить уход ребенка из семьи до достижения мальчиком 12–13, девочкой — 13–14 лет. Они просили разместить мальчиков в магазины, а девочек — в модные мастерские. За каждого ребенка, сданного в учение на 4–5 лет, «извозчик» получал цену, которая в 3–4 раза превышала сумму, отданную скупщиком родителям. Лавочник или хозяин мастерской оформлял ребенку вид на жительство, обеспечивал его одеждой и питанием, получая взамен право, по существу, всевластно им распоряжаться. В судебной практике того времени подобное явление фиксируется именно как торговля детьми. Например, хозяйка одной из ремесленных мастерских на суде объясняла, что в Петербурге принято покупать детей в учение, в результате чего покупатель приобретает право пользоваться рабочей силой ребенка [8, с. 104].

Закон признавал необходимость обязательного согласия ребенка, отдаваемого в обучение ремеслу или «в услужение». На самом деле интересы детей

в расчет, как правило, не принимались, а многочисленные отступления от закона выявить было нелегко. Охрана детского труда законодательно распространялась лишь на крупное фабрично-заводское производство, тогда как ремесленные и торговые заведения, пользовавшиеся детским трудом, оказывались вне этой сферы [9, с. 177].

Оказавшись в столице, подростки проходили тяжелую «школу» выживания. Многие из них по различным причинам уходили от хозяев, скитаясь, где придется. Этот путь принудительной социализации, приводившей к девиантным формам поведения, вызывал озабоченность прогрессивной части общества, расценивался как серьезный сбой в жизненном сценарии крестьянина. Не случайно усыновителю ребенка-сироты запрещалось отдавать его «в мальчики». Решить проблему пытались с помощью благотворительности, проявляя милость к нуждающимся. Со временем, в начале XX в., на страницах местной печати все настойчивее звучит мысль о том, что выход из ситуации следует искать в развитии школьной работы, в расширении сети учреждений профессионального обучения в губернии, а также в законодательной охране детей «от преждевременного обращения в рабочую силу».

Власти Олонецкой губернии периодически получали сигналы о торговле детьми, но выявить участников этой сделки было сложно, так как и родители, и возчик стремились сохранять ее в тайне. Явление попадает под определенный контроль властей по мере расширения сети школ в губернии: учителя писали о ежегодных «эпидемических выходах» учеников из школы. Например, из д. Космозеро ежегодно в течение 1898–1908 гг. отправлялись в Петербург около 12% учащихся местного училища. Статистическим бюро при Олонецкой губернской управе в 1900–1902 гг. было зафиксировано 539 учеников, обучавшихся ремеслам «на стороне» (и это без учета мальчиков и девочек, занятых в промышленности и торговле) [10, с. 161].

Сельская земская школа пыталась дать альтернативу отправке детей в город и оградить их от преждевременного обращения в рабочую силу путем организации обучения ремеслам. На 1 января 1901 г. из 302 начальных училищ Олонецкой губернии в 19 имелись ремесленные классы, велось обучение столярному, портновскому, сапожному, гончарному, кузнечному и переплетному делу. Получили широкое распространение также женские рукодельные классы. Однако количество таких школ было невелико. Кроме того, отсутствовала преемственность между профессиональной подготовкой в школе и следующими звеньями обучения, что лишало учеников необходимой перспективы. Проблема детской трудовой миграции сохранялась вплоть до первой мировой войны. Так, в конце первого десятилетия XX в. до 700 учащихся начальных училищ Петрозаводского уезда ежегодно покидали школу, отправляясь в Петербург [11, с. 25].

Материалы статей и заметок на данную тему, помещенных в олонецкой прессе, дают представление о результатах социализации ребенка, отправленного в Петербург. Обстоятельства ее протекания размещались между двумя полюсами, определенными пословицей: «Питер – кому мать, кому мачеха». Влияние города на жизнь подростка было неоднозначным. Наряду с такими его проявлениями, как преждевременное обретение новых социальных ролей, девиации (бродяжничество, нищенство, пьянство), современники отме-

чали и позитивное воздействие города, выразившееся в интеллектуальном развитии подростков, расширении их кругозора. В большей мере это относилось к тем, кто поработал на фабриках или заводах Петербурга («потер фабричную лямку»). Вернувшись в деревню, эта немногочисленная часть молодежи уже не расставалась с книгой, составляя постоянный контингент читателей сельских библиотек [12, с. 14].

Тем не менее, во всех этих случаях можно говорить об ускоренной принудительной социализации (как разновидности социализационной ненормы) — процессе преждевременного освоения подростком социальных ролей взрослого человека. Если все традиционные внесемейные формы трудовой деятельности детей предусматривали сохранение определенного контроля семьи (так, наемный труд — в своей или соседней деревне, отходничество — вместе с отцом, старшим братом или, по крайней мере, односельчанином), то отправка детей в город без сопровождения взрослых, вызванная жестокой экономической необходимостью, приводила к длительному разрыву с семьей, и ее можно считать альтернативным видом социализации. Как уже подмечено исследователями, подростковое отходничество, наряду со взрослым, сыграло большую роль в постепенном размыкании сельской общины, нарушении многих ее функций [13, с. 123].

Социальной дифференциации деревни сопутствовала социальная дифференциация детства. Материальные ресурсы конкретной семьи в значительной мере определяли общий контекст воспитания. Чем беднее была семья, тем раньше ребенок привлекался к трудовой деятельности не только в быту, но и отправлялся на заработки, то есть его социализация «выпадала» из традиционной системы и выходила далеко за пределы семьи. Торговля детьми — свидетельство того, что субкультура бедности, стратегия выживания корректировали общепринятые установки и подходы, характерные для нормативной системы культуры. Экономическая целесообразность, диктуемая идеологией развивавшегося капитализма, выступала жестким регулятором повседневной педагогической практики, а подчас и дезорганизатором традиций карельской семьи. Широкое распространение в конце XIX — начале XX вв. раннего начала трудовой деятельности детей за пределами дома вело к негативным последствиям: разрыву с семьей, преждевременному освоению детьми «взрослых» ролей, росту детской преступности.

В усилившейся тенденции отправлять подростков в город просматривается не только способ выживания, но и попытка адаптации карельской семьи к меняющимся условиям жизни, стремление дать подрастающим поколениям шанс вырваться из наследственной бедности. Детское отходничество в Петербург приобрело своеобразные организационные формы, имело ярко выраженные социальные эффекты. Эта социализация, осуществлявшаяся в противозаконной форме, препятствовала развитию школьной работы, способствовала приобщению молодежи к «урбанизированным» стандартам поведения и отвращала ее от традиционных ценностей. Желаемый «выход в люди» оборачивался отклонениями в социализации, наблюдалась глубокая трансформация личности крестьянина. В сущности, это вписывается в рамки дезадаптирующей социализации, когда нарушены как функциональная, так и содержательная ее стороны.

Библиографический список

1. Какорея. Из истории детства в России и других странах // Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»: сб. ст. / сост. Г.В. Макаревич. М.; Тверь: Научная книга, 2008. Вып. 1
2. Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990). Антология текстов. Взрослые о детях и дети о себе // Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»: сб. ст. / ред. В. Безрогов, К. Келли. М.; Тверь: Научная книга, 2008. Ч. 1, 2.
3. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1.
5. Макаров Г.Н. Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л.: Наука, 1969.
6. Virtaranta P. Luudilaisia teksteja II. Helsinki, 1963.
7. Р[оманов]. Сношения архангельских карел с Финляндией // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 7. С. 561–564.
8. Труды I Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщин и его причинами, проходившего в Санкт-Петербурге 25 апреля 1910 г. СПб., 1911.
9. Законы о детях / сост. Я.А. Канторович. СПб., 1899.
10. Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905.
11. Земская хроника // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 19. С. 25–26.
12. Забивкин И. Об учащих «второго разряда» // ВОГЗ. 1910. № 17. С. 14–17.
13. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988.

О. Пукха

CHILDREN AND TEENAGERS IN THE SPHERE OF ECONOMIC INTERESTS OF A KARELIAN FAMILY IN THE END OF THE XIXTH BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

In the article on the base of the materials of Karelia of the end of the XIXth beginning of the XXth century, the general characteristic of the role of children in the economic sphere of a peasant family is given, the sphere of labour duties of a child, depending on its gender and age is drawn out. On the base of the different sources, the causes of wide spread occurrence of children's labour migration are depicted. The role of labour migration and school in the change of the process of socialization of peasant children is shown.

Key words: history of childhood, Karelia, peasant family, child socialization.